

Ольга Минкина (Петербург)

## ЕВРЕЙСКАЯ ЭЛИТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII- НАЧАЛА XIX ВВ.: К РИТОРИКЕ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ

История евреев в Российской империи конца XVIII-начала XIX вв. не принадлежит к числу излюбленных тем современных исследователей. Даже создание основного исторического нарратива об этой эпохе, простое восстановление последовательности событий следует признать незавершенным, главным образом, в силу недостаточной разработанности источниковой базы. Культурная история евреев данного периода рассматривается либо в рамках истории «ранней Хаскалы» (зачастую понимаемой как рецепция культурного влияния Хаскалы немецкой), либо в рамках истории хасидизма<sup>1</sup>. В то же время, как нам кажется, недооценивается такой важный для характеристики того времени аспект, как активное стремление еврейской элиты к повышению своего статуса внутри имперской сословной системы: все, что в административных документах того периода классифицировалось как «домогательства» и «вредные поползновения» евреев<sup>2</sup>. Это явление имело как практическое (деятельность еврейских депутатов при власти), так и культурное выражение. В рамках данного, условно говоря, «течения», объединявшего и хасидов, и миснагидов, и тех, кого можно назвать маскилами, и лиц менее «просвещенных», выработался свой язык (точнее, языки) саморепрезентации, определенные стилистические приемы обращения к власти и еврейскому населению. Для анализа этого языка может быть полезен методологический инструментарий «истории понятий» (Begriffsgeschichte), в первую очередь, дифференциация между «областью опыта» и «горизонтом ожиданий», которые содержатся в каждом понятии политического словаря<sup>3</sup>.

В настоящей работе мы обратимся к материалам, которые позволяют реконструировать некоторые особенности саморепрезентации представителей верхнего слоя еврейского общества: одам, прошениям, проектам, материалам переписки. Содержание и оформление этих текстов во многом диктовалось формальными требованиями и предпочтениями адресатов. К тому же, нанятый тем или иным евреем-просителем писарь (русский или поляк) мог выступать в качестве соавтора (а то и основного автора документа), человека, который «сие прошение со слов просителя (по словам точным просителя) сочинял и переписывал» (типовая формула). Однако в нашем распоряжении имеются и документы, в которых такое указание отсутствует, и документы, собственноручно написанные евреями на русском языке.

Для выражения своих требований еврейские лидеры использовали два основных стилистических модуса, совпадавшие с приемами господствовавших литературных течений того времени. Первый комплекс риторических приемов связан с официальной и «патриотической» риторикой, использует идеи служения государству. Эти риторические приемы чаще всего служат обрамлением притязаний еврейской элиты на дворянские привилегии. Так, в 1802 г. откупщик Йешуа Цейтлин, отстаивая свое право владеть именьями с крепостными, писал в прошении Г.Р. Державину: «видеть себя беззащитным

---

<sup>1</sup> См.: Fishman D. E. *Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov*. New York, 1995.

<sup>2</sup> Подробнее об этом см.: Минкина О.Ю. Евреи и власть: депутации 1773-1825 гг. в Российской империи // *Исторические записки*. 2007. № 10 (128). С. 165-201.

<sup>3</sup> См.: *Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX вв.* Сб. статей. СПб., 2006. В *Jewish Studies* примером использования данного подхода является книга: Натанс Б. *За чертой. Евреи встречаются с позднейимперской Россией*. М., 2007.

и вконец утесненным в таком Отечестве, где надеялся благоденствовать и остаток жизни провести в довольствии и покое, после понесенных мною на пользу государственную многих трудов, колико должно быть чувствительно и болезненно, изъяснять здесь в существе было бы излишним обременением для особы Вашего Высокопревосходительства, отягченной непрерывными ко благу Отечества заботами и изнурениями»<sup>4</sup>. Таким образом, характеристики адресата (русского дворянина, высокопоставленного чиновника) и просителя (еврея-откупщика) здесь фактически идентичны: и тот, и другой представлены самоотверженными слугами «Отечества», заслуживающими награды. Ключевые для определения дворянства того времени понятия «земля» и «служба» выступают во взаимосвязи при защите отдельными богатыми евреями своих земель и крепостных. Суррогатами «службы» выступают в прошении Цейтлина, во-первых, его деятельность на благо Российской империи (в качестве поставщика провианта во время русско-турецкой войны), во-вторых, его прежнее положение «придворного еврея» («польского королевского двора надворного советника») при дворе в Варшаве. Еще одним вариантом «службы» для еврея зачастую оказывалась деятельность в качестве секретного агента при военном командовании. «Низкая» (для российского общества того времени) роль «шпиона» превращается в текстах евреев в благородное «рвение» и «неусыпные труды» на пользу новой родины, «патриотические услуги государям»<sup>5</sup>.

Дальнейшему развитию «патриотической» риторики еврейских текстов способствовала мощная волна пропаганды эпохи наполеоновских войн. Вот как описывала свои злоключения во время войны 1812 г. бывшая маркитантка Сора Брайнина: «враги нашего Отечества разграбили меня под городом Полоцком на сорок две тысячи рублей», а в это время «мужа моего и сына тиранили неприятели разнообразно, что зачем не шли показывать, где находятся российские войска»<sup>6</sup>. В 1813 г. виленский кагал обращается к еврейским депутатам при Главной квартире Российской армии: «Любезные друзья, деятельнейше старайтесь для пользы Отечества и нашего народа»<sup>7</sup>, а главы кагалов Несвижа и Слуцка жаловались: «почти кожу с нас сорвали; за то, что мы привязаны душевно к россиянам, называли нас спиенами»<sup>8</sup> (последнее слово, очевидно, является воспроизведением характерного для авторов текста литвацкого произношения). Следующий за описанием непосильных поборов и притеснений со стороны французского командования пассаж выдает определенные социальные ожидания: «небезызвестно, что евреи суть бедные, не имеющие своих земель, крестьян, ни же своих лесов, откуда им взять все вышеписанные налоги»<sup>9</sup>. Таким образом, и здесь патриотическая тема увязывается с дворянскими претензиями. При этом лояльные российской власти евреи противопоставляются польским помещикам, враждебность которых к евреям в данном документе мотивируется «малой их преданностью к августейшему престолу». Таким образом, и здесь патриотическая тема увязывается с претензиями на статус, близкий к дворянскому.

---

<sup>4</sup> РГИА. Ф.1374. Оп.6. Д.1885. Л.15 об.19

<sup>5</sup> «Медаль была бы знаком монаршего внимания и благоволения»: документы к биографии художника-еврея Самуеля Михельсона (1802 г.). Публ. Д.З. Фельдмана // Параллели. № 2-3. М., 2003. С. 464-465, 467.

<sup>6</sup> РГИА. Ф.1284. Оп.1.Кн. 72. 1814. Д.206. Л.4, 4 об.

<sup>7</sup> ГА РФ. Ф.1165. Оп. 1. Д.6. Л. 2 (копия: САНПР. НМ 2/9450.10).

<sup>8</sup> Там же. Л.5.

<sup>9</sup> Там же. Л.5 об.20.

«Служба» на «благо Отечества», как уже отмечалось выше, ассоциировалась в еврейских текстах с поставками для армии и разведкой. Однако наиболее полное выражение темы «службы» мы находим в текстах, описывающих деятельность еврейской депутации при различных административных структурах. Депутаты, очевидно воспринимая себя в качестве государственных служащих, использовали для характеристики своей деятельности выражения «служба», «обязанность», «должность», которую они, как «верноподданные», выполняли с «усердием», «честностью» и «преданностью»<sup>10</sup>. Отметим, что вопрос о привлечении евреев к государственной службе продолжал дискутироваться в административных кругах даже после его однозначного и жесткого решения Николаем I в 1826-1828 гг.<sup>11</sup>

Другой эстетической стратегией для оформления еврейских просьб и проектов было использование приемов, характерных для сентиментализма. В этом ключе был решен не только текст знаменитого «Вопля дочери иудейской» Лейбы Неваховича, но и прошения, казалось бы, далеких от российской изящной словесности купцов и кагалных, не говоря уже о еврейских депутатах и поверенных: «Ежели единогласие обвиняющих не лишает еще обвиняемого права защищать свою невинность, ежели оправдание его приемлется с таким же расположением, как и обвинение, ежели глас робкий и трепещущий такую же силу может иметь, как и глас утвердительный, то сей кагал, возлагая надежду свою на правосудие правительства, осмеливается удостоверить, что содержание евреями в деревнях аренд не столько вредны, как заключают» - утверждали члены киевского кагала Марко Абрамович и Лазарь Якубович в ответ на соответствующий запрос Первого Еврейского комитета в 1804 г.<sup>12</sup> А вот как обращается «депутат» еврейской общины Риги Самуил Гирш Фридберг к членам другого Еврейского комитета (уже четвертого по счету): «Милостивые государи, вам пал счастливый жребий пещися о благополучии целого народа и соединить правдивую деятельность с нежными наклонностями сострадательного сердца... Чем жесточее поношение, отягощающее еврейский народ, тем славнее достоинство тех, кои его от оногo избавляют, и, слава Всевышнему, находятся такие особы, которые без всяких предрассудков единственно о том старались, чтобы всюду споспешествовать добру» (1826 г.)<sup>13</sup>. Еще более благодатным полем для применения такого рода приемов были прошения по частным делам: «Простите смелости дочери Иудейской, которая с семьей сиротами дерзает прибегнуть под покровительство Ваше, осмеливаясь отвлечь Вас хоть на несколько минут от высоких занятий Ваших просить прочесть вкратце историю девятилетнего ее страдания»<sup>14</sup>, - читаем в прошении Раси Левиной министру внутренних дел графу В.П. Кочубею (1820 г.). Возможно, что образ страждущей, скитающейся и вопиющей о справедливости «дочери Иудейской» был заимствован из книги Неваховича и используется здесь для описания вполне реальных бедствий просительницы: трагической гибели ее мужа, «сварившегося в суловаренном котле на винокуренном заводе» в Тобольской губернии и тяжбы вдовы с владельцем завода. Отметим, что книга Неваховича «Вопль дочери иудейской» была посвящена тому же В.П. Кочубею, на тот момент члену Еврейского комитета.

---

<sup>10</sup> ГА РФ. Ф. 109. 1829. Д. 67. Л. 33-34 об.; Пэн С. «Депутация еврейского народа» при Александре I // Книжки «Восхода». 1905. № 1. С.75.

<sup>11</sup> РГИА. Ф.1286. Оп. 5. Д. 872. Л. 2-5 об.

<sup>12</sup> ЦГИАУ. Ф.533. Оп.1. Д. 433. Л. 7 об. (копия: САНЛР. НМ 2/7928.8).

<sup>13</sup> РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 349 а. Л.83.

<sup>14</sup> РГИА. Ф.1284. Оп.1. 1814. Кн.76. Д. 350. Л.38.

Ключевыми для данного стилистического модуса являются утверждения о «невинности», «невинном страдании» евреев, которое требует от сановных адресатов действий, основанных не на формальном праве, а на «сострадании» и «обязанности человечества» (человечности). Проситель-еврей, очевидно, понимал смысл указов, которые зачастую привлекались им для подкрепления совершенно противоположных этому смыслу утверждений. Он предлагал власти принять это прочтение, апеллируя к таким категориям, как «милосердие», «человеколюбие», «справедливость», приписываемые адресату.

При этом данный тип нарратива ни в коей мере не является «нарративом ассимиляции». «Патриотическая», «сентиментальная» и «просвещенческая» риторика используется в нем для защиты ценностей еврейского общества, например, еврейской одежды. Вопрос об одежде был одним из центральных для еврейских депутатов созыва 1807 г. и для «поверенных от евреев» при Третьем еврейском комитете в 1809-1812 гг.: «депутаты и поверенные еврейских обществ изъясняют, что, по закону их, они бород не бреют, и потому почитают гораздо приличнейшим ходить в русском платье, по примеру русских купцов, в немецком же платье, с небритыми бородами, они вяще могут послужить предметом поругания и насмешек». В действительности же, депутаты, вероятно, добивались сохранения традиционной еврейской одежды, которая имела больше сходства с длиннополыми сюртуками бородатых купцов, чем с «немецким платьем». Позиционируя еврейский традиционный костюм как «русское платье», депутаты, таким образом, включали свои требования в контекст усилившегося в эти годы патриотического подъема, отразившегося и в одобрении комитетом этой инициативы, которая, по мнению членов комитета, должна была способствовать тому, чтобы «сблизить как понятия, так и пользы евреев с понятиями и пользами общими русскими»<sup>15</sup>. В 1818 г. еврейские депутаты, в отличие от своих предшественников, не пытались отстоять традиционную одежду обращением к патриотическим и эстетическим чувствам адресатов, а прямо заявили о том, что перемена традиционного облика еврея является нарушением религиозных заповедей<sup>16</sup>. Возможно, выбор такой стратегии был связан с ориентацией на «консервативные» убеждения адресатов, которые, по мнению депутатов, могли поддержать защиту любых традиционных религиозных ценностей.

Иногда в результате столкновения двух дискурсов («внутреннего» и «внешнего») получаются весьма противоречивые тексты. Виленский купец Зельман Сакер, вступив в конфликт с кагалом, в своем прошении управляющему Министерством внутренних дел в 1829 г., жалуясь на кагалных старшин, тем не менее, пытается одновременно отмежеваться от позорной роли доносчика (мосера): «есть для меня тяшкою и даже несноснейшею обидою, поносящею честь мою, ознаменованною Высочайшим благоволением...та клевета, произнесенная от старшин...кои не устыдились приписать мне какой-то беспокойный характер и навык мой к обидам других»<sup>17</sup>.

---

<sup>15</sup> Доклад о евреях императору Александру Павловичу // Русский архив. 1902. № 2. С. 270.

<sup>16</sup> Из летописи минувшего. Борьба правительства с еврейской одеждой в империи и Царстве Польском // Пережитое. Т. I. Спб. □ 1909. С. 11.

<sup>17</sup> РГИА. Ф.1287. Оп.12. Д.289. Л. 27 об.

Представляют интерес и встречающиеся в данных текстах «переводы» еврейских социальных и культурных реалий на русский язык. Так, главы кагалов Слуцка и Несвижа в 1813 г. уверяли депутатов, что в благодарность за помощь посвятят им «гимн лиро-эпический»<sup>18</sup>. Под этим названием подразумевается, очевидно, не торжественная ода на русском языке (вроде «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из Отечества» Г.Р. Державина), а такой жанр традиционной еврейской словесности, как мегила (буквально «свиток») – составленный по аналогии с Мегилат Эстер рассказ о бедствии, постигшем ту или иную еврейскую общину и счастливом избавлении от нее благодаря влиятельным евреям, близким к властям<sup>19</sup>.

Прошение еврейского ходатая Ноты Ноткина министру внутренних дел В.П. Кочубею может быть прочитано и как выражение позиции «самозваного» ходатая-маскила, которому статус «просвещенного» позволяет говорить от имени народа, и как «перевод» традиционных еврейских характеристик ходатая-штадлана на язык российских делопроизводственных документов. Так, выражение «некий патриотический дух побуждает и ободряет меня принять ходатайство на пользу общую»<sup>20</sup> находит соответствия в документах, связанных с деятельностью штадланов XVIII в., где «пользе общей» соответствует талмудическое выражение «tsarkhei-zibur» (букв. «нужды общества») или «zarkhei-rabim» (букв. «нужды многих»), а «патриотическому духу» – различные определения деятельности штадлана как «святого ремесла» (mela'kha qdasha)<sup>21</sup>. Подобный эффект, возможно, имел место и в других документах, исходивших из еврейской среды. Так, в прошении еврейского депутата Зунделя Зонненберга министру полиции А.Д. Балашову в 1813 г. ходатайство за еврейских арестантов явно мотивируется не российскими законами, а заповедью о «выкупе пленных»<sup>22</sup>. Представленная выше интерпретация риторики прошения Ноткина является гипотетической, однако само утверждение, что еврейские представители не только использовали российский бюрократический дискурс, но и воспроизводили в своих прошениях традиционные еврейские дискурсивные установки, кажется вполне вероятным и заслуживающим дальнейшей разработки.

В текстах, обращенных непосредственно к еврейской аудитории, еврейские лидеры, наоборот, стремились к выражению новых реалий в традиционных категориях. Отметим, что аналогичные приемы впоследствии использовались в ранней русско-еврейской публицистике на иврите<sup>23</sup>. Деятельность «на общественные нужды» (tsarkhei-tsubur), в том числе ходатайство за единоверцев (штадланут) приравнивались традицией к изучению Торы<sup>24</sup>. Эти символические аспекты стремились задействовать депутаты в риторике своих обращений к еврейскому населению. Они использовали очевидные для адресатов

---

<sup>18</sup> ГА РФ. Ф.1165. Оп. 1. Д.6. Л. 5 об. (копия: САНПР. НМ 2/9450.10)

<sup>19</sup> Подробнее об этом см.: Йерушалми Й.-Х. Захор. Еврейская история и еврейская память. М.-Иерусалим □ 2004. С. 52-53.

<sup>20</sup> Там же. Л.103.

<sup>21</sup> Pinkas Va'ad 'arb'a 'artsot. Jerusalem □ 1990. S. 312.

<sup>22</sup> ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л.7-8. 24

<sup>23</sup> См.: Soffer O. The Case of the Hebrew Press: From the Traditional Model of Discourse to the Modern Model // Written Communications. 2004. Vol. 21. P.141-170.

<sup>24</sup> См. например: Lederhendler E. The Road to Modern Jewish Politics. Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia. Oxford □ 1989.P.19-21; Ury S. The Shtadlan of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Noble Advocate or Unbridled Opportunist? // Polin. 2002. Vol. 15. P. 267-299.

библейские образы «заступника народа своего» Мордехая<sup>25</sup>, праотца Иакова, умиловившего дарами своего брата Исав<sup>26</sup> (согласно традиции, предка христианских народов) и – для обоснования своих претензий на руководство еврейскими общинами и изменения властной организации еврейского общества – царя Саула<sup>27</sup>. В последнем случае, призывая к сбору денег на депутацию, участники собрания представителей еврейских общин в Вильно в 1818 г. цитировали первую книгу Шмуэля (Первую книгу Царств): «ибо, как сказано: мал я и беден». На то, что перед нами именно комбинация двух цитат из книги Шмуэля, указывает помета секретаря собрания, виленского еврея Исаака Синайского. Цитировались следующие два стиха: тот, где Саул, отправившийся на поиски ослиц, говорит слуге, что у них не осталось ни хлеба, ни подарка для пророка Самуила<sup>28</sup>, и слова Саула, обращенные к Самуилу: «не сын ли я Вениамина, одного из меньших колен Израилевых? И племя мое не малейшее между племенами колена Вениаминова?»<sup>29</sup>. Эти цитаты увязываются с «бедностью» депутатов и необходимостью их содержать. Привлечение образов книги Шмуэля имело вполне определенный смысл. Существовавшее в традиции представление о родстве между Саулом и «первым еврейским депутатом» Мордехаем основывалось на интерпретации родословной Мордехая в книге Есфири. Считалось, что Мордехай «исправил» грех Саула, послушавшегося Божьей воли и пощадившего пленного царя амалекитян Агага, от которого впоследствии произошел гонитель еврейского народа Аман<sup>30</sup>. Отметим, что наименование «Амалек» в еврейских текстах становится нарицательным для противников евреев. По всей видимости, метафора применялась окказионально. Так, в пинкасе погребального братства Каменец-Подольска за 1796 г. этим словом обозначаются поляки, изгнавшие евреев из города<sup>31</sup>.

Участниками собрания выборщиков в Вильно был, однако, актуализирован не мотив войны с Амалек, изначально объединяющий истории Саула и Мордехая, а сюжет об «избрании царя». Тогда как роль депутатов по отношению к внешней власти изображалась в соответствии с образом Мордехая, то история воцарения Саула использовалась для обоснования претензий депутатов на руководство еврейскими общинами. Авторы постановления пытались доказать, что изменение организации еврейского общества путем превращения горизонтальной структуры, объединявшей разные независимые друг от друга общины во «властную вертикаль» во главе с депутацией необходимо для блага всего еврейского населения империи. Превращение депутатов в полновластных руководителей еврейства повысило бы их авторитет в глазах властей и позволило бы им с большим успехом отстаивать интересы евреев. Помимо истории Мордехая, библейское повествование (самая почитаемая и авторитетная его часть – Тора) включало еще один

---

<sup>25</sup> LVIA. F. 378. BS. 1818. b. 286. L.128 (копия: САНП. НМ 2/9737.1).

<sup>26</sup> Magid G. N. *Ir Vilno*. 1. Vilno, 1900 . S. 149.

<sup>27</sup> LVIA. F. 378. Канцелярия литовского военного губернатора. BS. 1818. b. 286. Постановление виленского собрания выборщиков. 19 августа 1818 г. L.128 (копия: САНП. НМ 2/9737.1).

<sup>28</sup> 1 Цар., 9:7.25.

<sup>29</sup> 1 Цар., 9:21.

<sup>30</sup> McKane W. A Note on Esther IX and 1 Samuel XV // *Journal of Theological Studies*. Vol.12. P. 260-261; Копелиович Д. «Помни, что сделал тебе Амалек...». Литературный генезис Амалека как главного врага Израиля // *Лехаим*. № 3. С.34-37.

<sup>31</sup> Petrovsky-Shtern Y., ed. (2006) *Russian Legislation and Jewish Self-Governing Institutions: The Case of Kamenets-Podolskii // Jews in Russia and Eastern Europe*. 2006. № 1 (56). P. 118.

сюжет о «близком к власти» еврее – Иосифе Прекрасном. Однако этот образ оказывается практически не востребован в политической риторике исследуемого периода. Исключение составляет письмо цадика Дов Бера Шнеерсона виленскому кагалу в ноябре 1823 г. Письмо было перехвачено полицией в ходе расследования по делу о якобы готовившемся «еврейском бунте»<sup>32</sup>. Пересказ письма и перевод нескольких отрывков на польский язык были включены в донесение виленского полицмейстера литовскому военному губернатору. Цадик жаловался на тяжелое положение евреев в белорусских губерниях: «умножились преследователи в отсутствие открывающего тайны»<sup>33</sup>. Выражение «открывающий тайны», вероятно всего, является калькой с библейского титула Иосифа Прекрасного: «tsafnat-paneah»<sup>34</sup>. Цадик, таким образом, сетовал на то, что в современную ему эпоху евреи не имеют достойного и достаточно влиятельного представителя перед властью. Образ Иосифа, активно использовавшийся, к примеру, в панегириках немецким «придворным евреям» XVII-XVIII вв.<sup>35</sup>, не был популярен у российских евреев. Возможно, использованию сюжета об Иосифе Прекрасном в политической риторике мешали такие «сомнительные» детали библейского повествования, как доноительство и рабство Иосифа. Все это не соответствовало тому идеальному образу благородной и богобоязненной еврейской элиты, который пытались создать ее представители.

Необходимость излагать свои требования на новом непривычном языке, в рамках новой системы понятий, равно как и необходимость «трансляции» еврейской аудитории политических реалий текущего момента способствовала формированию еврейского современного дискурса не менее, чем западные культурные влияния (пропущенные через интерпретацию Хаскалы). Автобиографические (прошения) и публицистические (проекты) еврейские тексты, обращенные к нееврейской аудитории, находят в дальнейшем свое продолжение в еврейской литературе на русском языке и являются важным этапом в формировании такого феномена, как «русско-еврейская культура».

---

<sup>32</sup> Подробнее об этом эпизоде см.: Минкина О.Ю. Российская власть и «еврейское буйство» 1823-1824 гг. *Ab Imperio*, 2008. № 3. С.131-156.

<sup>33</sup> LVIA. F. 378. BS. 1824. В. 29. 1. 5. (копия: САНJP. НМ 2/9771.1).

<sup>34</sup> Быт 41:45.

<sup>35</sup> Stern S. *The Court Jew. Contribution to the History of the Period of Absolutism in Central Europe*. Philadelphia: Jewish Publication Society. 1950. P. 228.